

Даниэль Брэйн

СТАРАЯ ДЕВА

Даниэль Брэйн
Старая дева

«Автор»

2026

Брэйи Д.

Старая дева / Д. Брэйи — «Автор», 2026

Мне двадцать пять, и я старуха. Я списана со счетов — барышня с домашним образованием, коротаю дни в разоренном поместье. Нищета, голодающие крестьяне, развалившийся дом трижды в залоге, младший брат, мот и бабник, тратит последнее на кутежи. Такой, значит, мой второй шанс? Такая жизнь досталась мне после смерти? Нет. Мне сорок пять, я сильная и независимая, я поднималась и падала, опять поднималась. Плевать, что обо мне подумают, мое имение восстанет из руин. Наша современница в реалиях условного XIX века. Прогресс, феминизм, политика кнута и пряника, причем пряник жесткий и им при необходимости бьют. Обустройство, быт, предпринимательство, немного вражды с соседями-ретроградами.

© Брэйи Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Г	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Старая дева

Глава 1

Синее море, соленый ветер, белая яхта, нарядные мужчины и женщины, смех, музыка, яркое солнце — не жизнь, а сказка.

Страшная и для взрослых. Детям подобное лучше и не рассказывать, у них должна сохраняться иллюзия счастья, вырастут — сами все в итоге поймут: ожидание и реальность без фильтров и ухищрений.

Море буйное и холодное, ветер сильный и все крепчает, яхте сто лет в обед, спасибо, что не протекает, потому что именинник пожмотился, мужчины наклюкались, женщины сбились в клубки и друг на друга шипят — дружат сегодня против вчерашних подруг. Музыка отвратительная — низкопробнейшая попса, и я, конечно, не могу осуждать тех, кто ее пишет и исполняет, спрос есть спрос, но в нашем обществе можно было бы притвориться, что у нас изысканный вкус? Все же кто тут собрался: продюсеры, композиторы, владельцы концертных залов, блогеры — о, саранча, эти трутся у столов, налегают на разносолы. Пожалуй, одно только солнце меня радовало: во-первых, оно было искренним, во-вторых, так слепило глаза, что очки были не данью моде, а необходимостью.

— К нам приехал, к нам приехал!.. Дормидонт Сизигмундович да-ра-гой!

Только цыганского хора не хватает, впрочем, он на яхту бы и не влез. Другое удивительно — как при такой сильной качке никто не страдает морской болезнью. То ли потому, что фотограф носится как ужаленный и нельзя уползти в каюту, то ли по причине куда более прозаической: это не первая тусовка на яхте при качке, и все слабаки отвалились еще лет десять назад.

— Вероника Юрьевна, а вы что же не со всеми? Вас укачивает, да? Я Ирэн Адлер.

— Кто? — переспросила я, морщась от воплей, музыки и этой раскрашенной девицы. Помимо очков на мне была и брендовая маска, вот что меня хоть бы спасло от внимания «молодых дарований». Как она здесь оказалась?

— Ирина Орлова, — быстро поправилась девица. Я профессионально вслушивалась в голос и всматривалась в движения. Сколько она заплатила, чтобы попасть на яхту, я даже не спрашиваю кому? И зачем? В лучшем случае это бэк-вокал. И то за неимением чего-то стоящего. — Мне посоветовали к вам обратиться. Вы же продюсер.

Я вздохнула, сняла очки, и они в такт качке и музыке заболтались на длинной цепочке.

— Хотите, сэкономлю вам время и деньги? — напрямик спросила я. — С вашим голосом поработать, конечно, можно. Практически с нуля. С движениями тоже. Можно даже написать вам музыку и сносный текст. Но вы в курсе, что певец — это не просто тельце накрашенное с музыкальным образованием, правда? Первое достигается усилиями гримера и костюмера, второе — упорным трудом, а где то, что увлечет вашего слушателя? Повернитесь.

Ирина послушно повернулась. Яхта качалась — ощутимо качалась, волны то и дело плевали на палубу, мы отошли далеко от берега, потому что действовал карантин и мы своими физиономиями без масок нарушали местный закон. Можно было выбрать побережье родины, бесспорно, но это же не роскошно! Патриотично, но не годится для фотографий. А зря.

Где-то все понимают прекрасно, что никому этот кутеж не сдался — никому из нас, но не тем, кто жаждет ухватить в социальных сетях кусочек «красивой жизни». Певцов на яхте сегодня нет, они все работают, репетируют в поте лица, их после добавляют в красивых позах мастера фотошопа. Вот такое бессовестное вранье.

Ирина качнулась вместе с яхтой. Я на всякий случай крепче вцепилась в бортик и снова вздохнула.

— Ну, так... Знаете, в чем, как вы говорите, «прикол» шоу «Голос»? — спросила я.

Ирина замотала головой.

— Исполнение, девочка, исполнение. Артистизм. А вы думали, что неверная пара нот и неумение держать микрофон все испортят? Певица это актриса в первую очередь. Вам должны верить, даже если вы «Сюси-пуси» поете.

А еще лучше — начинать с «Сюси-пуси» в переходе метро. Эта девочка, разумеется, не знает, как это было лет двадцать назад. Петь можно что угодно и как угодно — блатняк, любовную лирику, дурацкий романс, — но люди мимо пройти не должны. Я хотела стать композитором — я им стала, но кому нужна была новая музыка? Никому. А кому нужен был хлеб насущный?

Мне. Из диплома супа не сварить. И я пела — охрипшим голосом, потому что стоял лютый январь и в переходе, тряся не тающий снег, носился стылый ветер. Я пела, не смущаясь, не пряча глаза, напротив, ловя контакт. Пела чушь — долго мне было стыдно не за мятые купюры в древней отцовской шляпе, а за паршивый репертуар, пока я не осознала: люди выберут сами, какую фигню они хотят слушать. Популярность шансона и любовных страданий не зря в народе так высока.

— Вы же не слышали, как я пою, — Ирина, как мне показалось, удивилась вполне естественно. Я только усмехнулась:

— Сколько у меня успешных проектов? — поинтересовалась я, прищурившись, и сама же ответила: — Восемнадцать. Восемнадцать, это больше, чем у половины присутствующих здесь вместе взятых. На один провал у меня три «звезды», а все потому, что я не трачу свое время. Я не говорю, что вы бесталанны, отнюдь. Но это бизнес, а бизнес должен продавать. Попробуйте искусство, почему нет, например, музыкальный театр?

— Вы смеетесь? — обиженно протянула Ирина. Дурочка, я даю тебе бесценный совет, причем совершенно бесплатно.

— Я оцениваю перспективы, — пожала плечами я. — Современный музыкальный проект — год, два, редко пять, пока аудитория в возрасте исполнителя. Впрочем...

И тут мне пришла идея.

— Прочитайте стихи.

Ирина, как мне почудилось, даже принялась. Мало ли? Но я нетерпеливо кивнула:

— Прочитайте стихи речитативом, как будто под музыку. Давайте, «Мой дядя самых честных правил...» — ну? Пушкина знаете, я надеюсь? «Евгений Онегин»? Учили в школе?

— Когда не в шутку занемог, он...

— Ну? — подбодрила я. — Рассказывайте про дядю. Побольше выражения дайте.

— Он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог. Его пример...

— Хватит, — прервала я, потому что здесь было слишком много любопытных — мне совершенно не нужных — глаз. — Пойдем со мной.

Девочка, конечно, почти никакая. Деревянная, невыразительная, но, наверное, это и требуется. Такой не понятый никем образ: для аудитории девушек в возрасте «teen» восемнадцати-девятнадцати лет. Институт не удался, родители угнетают, работа дно, денег нет, подруги стервы, парни козлы как на подбор. Девчонка никакая, и она будет читать такой же тоскливый серый рэп. Никакой соревновательности и вызова, сплошная боль, безысходность, уныние, тлен. Пару лет с программой она протянет — пока не сменится тренд. Они сейчас быстрые. Рэпу тоже немного осталось, это не музыка, это стендап.

Я тащила Ирину вниз, в каюты, мы прыгали как две мартышки по раскачивающейся палубе, и за нами следили десятки глаз. Кровожадные алчные твари, и я только надеялась, что они ничего не поняли. Нет, моя идея пока останется при мне.

Яхту качнуло еще раз, мы чуть не завалились обе прямо на лесенке.

— Псевдоним будет другой, — быстро говорила я. — К черту пафос, больше привычного. Подумаем. Образование есть? Какое? Где ты живешь? Кредиты, муж, дети, родители? Учеба? Какие-то обязательства?

Не простые вопросы. Певец — это работа. Адская, с раннего утра до поздней ночи, пока есть аудитория, пока аудитории важно то, что мы ей даем, пока она не выросла и ровесница-неформалка не стала ей менее интересна, чем бородатый упитанный конкурент, тягуче поющий о вечном и лживом — о любви к единственной женщине всей его жизни.

Все, что Ирина поняла — она меня чем-то зацепила. Больше ни я не успела ни слова сказать, ни она мне ответить.

Яхту качнуло еще раз — даже тряхнуло, Ирина полетела куда-то, жутко вопя, я успела схватиться за поручни, и меня оглушил истерический крик с палубы и гул воды. Пол поменялся местами со стенами, все полетело, смешались звон стекла, крики, рев волн, и какой-то до безразличия противный, холодный ужас сковал все мое тело. А потом пол и стены вновь поменялись местами, и прямо в лицо мне ударила удушливая ледяная волна.

Уже было такое — давно, точно так же я потеряла дыхание, когда допелась в конце концов в переходе — и голос мой, и без того не особо сильный, превратился в мой нынешний фирменный, с хрипотцой. Я долго болела, долго молчала, а когда смогла наконец говорить, оборвала себя на полуслове. Ни вдохнуть, ни выдохнуть, и так же страшно: что дальше? Как дальше жить?

И бросок такой же беспощадный и резкий, и в глазах потемнело так же, как двадцать лет назад. Но я выкарабкалась, пересилила, пережила, и слезы мои были горькими, как морская вода, лишь пару ночей.

Мне хватило рассудка не вдыхать и не терять пространственной ориентации. Было больно, но я крепилась, я бросила телефон — все равно ему не выжить, в отличие от меня, пусть идет ко дну, а я поплыву к свету. Даже если яхта перевернулась и тонет, у меня есть шанс, главное — понять, где верх, где низ.

Верх был сверху. Я не гадала, каким чудом так вышло, рванулась туда, где была лестница на палубу, где заканчивался смертельный плен древней яхты с дурацким названием «Эпопея», мне оставались считанные секунды до спасения, и я со всхлипом вырвалась из воды.

— Барышня тонут! Помогите, барышня тонут!

На поверхности я не удержалась, меня снова поволокло вниз, и хотя мне бы стоило бросить силы на борьбу с всесильной стихией, я позволила себе удивиться: здесь каждый второй кое-как говорит по-русски, но этот некто учил язык по романам Толстого?

Вместо горькой соли во рту был мерзкий вкус тухлятины и сизой тины. Я била руками, какими-то отяжелевшими, слышала крики, чей-то заунывный вой, конское ржание, а потом меня схватили за волосы и выдернули из воды.

Я кашляла и извивалась, легкие жгло, перед глазами стояли пятна. Мне было холодно, я не могла шевелиться, и на мгновение я испугалась по-настоящему — что случилось со мной, как сильно я пострадала? Но потом тело скрутила судорога, меня начало дико рвать противной тухлой жижей, и над головой все слышались чьи-то слезливые причитания.

Наконец я немного пришла в себя. В глазах прояснилось, я смогла сделать вдох почти без боли и без сил перевернулась на спину.

Я окунулась в синее небо. Такое синее, какое я не видела никогда, с четкими белыми пятнами облаков, в вышине парили огромные птицы, а надо мной склонились странно одетые люди, и кто-то из них осторожно, но в то же время с угрозой спросил:

— Барышня, а кошель-то где? Потонул, барышня?..

Глава 2

— Какой, к черту, кошель?

Голос был словно не мой, но это не удивило. Бывает, что сам себя не узнаешь, хотя... Не настолько? Я на секунду прикрыла глаза и вообще не уловила какой-то — чересчур яркой — реакции людей рядом на произнесенные мной слова. Мой слух резануло все — тональность моего голоса, мои интонации, меня подменили, и никакой водой, ни морской, ни протухшей, не объяснить то, что говорил вместо меня абсолютно другой человек. Я ничего не слышала несколько мгновений, кроме этого нового голоса, напугавшего меня больше, чем конское ржание и странные мужики.

— Барышня, как же деньги?..

— Какие деньги? — выдохнула я. Голос чужой.

— Умом повредила. Помилуй нас Преблагой!

Я села и поджала под себя ноги. Обтянутые серой невзрачной тканью длинной, мокрой, перепачканной юбки. Я обхватила колени руками — чужие колени чужими руками. На мне же был ярко-красный брючный костюм, на запястье — тонкий браслет и смарт-часы. Куда все делось? У меня были ухоженные руки сорокапятилетней женщины — а сейчас молодые, с потрескавшейся кожей. Единственное, что роднило, пожалуй, меня нынешнюю со мной прежней — отсутствие покрытия на ногтях и сами короткие крепкие ногти.

Спросить «вы кто»? Кто я такая? Что происходит и где тот берег, который не нужен был никому, как пелось в забытой песне? Где спасатели, где остатки яхты и те, кто был вместе со мной на борту?

— Пойдем до дому, барышня, — предложил тот самый мужик, который спрашивал про кошель. — Лошадь-то с коляской того, потонули. Да и Федота, видать, течением унесло. Это же вам свезло, барышня, что вы за корягу зацепились. Вона, — он махнул рукой в сторону неширокой, но быстрой и грязной реки, — мост-то снесло! А надо же было чинить, а нечем!

— Нечем — что? — растерянно спросила я.

— Мост чинить! — терпеливо, как дурочке, объяснил мужик. — Я еще после разлива весной говорил — не простоит мост, вот и не простоял. Так вон... вы деньги-то везли, я уже так и думал: как барышня деньги-то привезут, надо мост сразу делать! А теперь как же совсем без моста?..

Он волновался. Мост его тревожил гораздо сильнее, чем некая барышня, которая чуть не отдала богу душу. Я всмотрелась — насколько я поняла, вся хлипкая деревянная конструкция моста не только порушилась, но и прогнила насквозь. Из воды торчали балки, свисали сверху темные сломанные доски.

— Или того, не было денег, барышня? — допрашивал меня мужик, но не забывал и бережно поднимать, и жестами требовать у собравшихся какие-то тряпки, чтобы меня укутать. Я не сопротивлялась. — Али не перезаложили имение? Да было бы что перезакладывать-то...

Я тряхнула головой и опять начала кашлять. Лошадиное ржание раздалось совсем близко, мужик повел — потащил — меня к телеге, от которой умиротворяюще пахло скошенной травой.

— Староста! — окликнул его кто-то. — Может, кошель-то в реке поискать? А? Даст барышня грошей тому, кто найдет?

Староста обернулся ко мне. Был он еще не стар — лет сорока, бородатый, какой-то основательный. Взгляд его стал вопрошающим.

— Да, — кивнула я, не особо вникая в сложившуюся ситуацию. — Да, конечно. Кто найдет кошель, того я отблагодарю.

Меня усадили в телегу, укутали, хотя день был теплый. Ни дуновения ветерка и солнце пекло — наверное, стоял полдень. Все вокруг начало расплываться, и я сказала себе: слезы — нормальная реакция на стресс.

— Ничего, ничего, барышня, — пробормотал староста, усаживаясь со мной рядом. — Вона, мы с мужиками на пашне были, услышали, прибежали. А прочее образуется. Даст Премудрейший, и эту зиму переживем.

Что?.. Я спрятала лицо в сгибе локтя. Какая зима, зима давно кончилась! О чем он и почему столько обреченности в его голосе?

Мы ехали вдоль полей. Я подняла наконец голову, смотрела по сторонам. Нежная листва — свежая, яркая, трава пробивается, сухая земля. По полю ползет чахлая лошаденка, а рядом с ней впряглись в плуг два мужика... Река, мой Рубикон, бежит справа, и в ней возятся со стиркой какие-то бабы. Бежит мальчишка с узелком в руке.

Я не понимала. Что это такое? Галлюцинации? Предсмертный бред? Почему такой явный, с голосами и запахами? Почему он такой логичный? Кто эти люди рядом со мной?

Я повернулась к старосте. У мужика, который правил лошадь, я все равно могла рассмотреть только сгорбленную усталую спину.

Староста понял меня по-своему, быстро забормотал:

— Брешка, барышня, речка быстрая, да там излучина вниз по течению, ежели кто тонет, в ней сразу находится. Главное, чтобы в омут не унесло, тогда пиши пропало... И Федота найдем, даст Преблагой, и коляску, и лошадь, может, и выбралась, — оптимистично утешал меня он. — Все ж таки лошадь-то графская, за лошадь я отвечаю. И кошель отыщут. Али не было денег? Не дали?

«Не знаю», — хотела сказать я, но ответила:

— Я не помню.

Меня начинало знобить, несмотря на всю оказанную мне заботу. Я понимала — не от холода, от нервного потрясения. Что я такое?

Телега поднялась на пригорок, и я увидела впереди белый дом.

Громкое слово, почти как символ. Вокруг дома — редкий и запустелый сад, по двору ходят куры, отыскивая зерно... или что клюют куры? Все, что найдут? Дорога ухабистая, телега крепкая... Мысли скакали, я не могла сосредоточиться. И чем ближе мы подъезжали, тем сильнее я хмурилась. Вот этот дом... Случись мне увидеть его... раньше? Прежде? В той жизни? Как назвать то, что я только что безвозвратно потеряла? Я поостереглась бы заглядывать в эти развалины. Видно, как покосилась крыша, как стены опасно ползут трещинами, местами выбиты стекла и забиты деревянными досками. Куда меня везут изачем?

— Ничего, барышня, сейчас найдем чем печь протопить, Авдотья вас обмоет, переоденет. А может, баньку?

Я услышала знакомое слово. Настолько мне близкое, понятное и родное, что дернулась и вцепилась в руку старосты:

— Да!

— Кузьма? — громко крикнул староста — видимо, возница наш был глуховат. — Слышал? Барышня баньку изволят!

Барышня изволят доктора. Психиатра. Ох, как он мне не один раз уже помогал — и с депрессиями, и с паническими атаками. Прежде чем я окончательно встала на ноги, прежде чем смогла позволить себе ошибаться, сколько раз я была на грани отчаяния? Бессонница, постоянный упадок сил, провалы в памяти, беспричинные слезы. Но я же справилась, я же смогла. Я выстояла. Мне было сложно, на мне висели кредиты, моя квартира была в залоге и жрать мне было дома почти и нечего, а костюм мой стоил как три зарплаты офисного работника средней руки... Я выглядела как миллионерша, а худа от недоедания была настолько, что вслед шипели от зависти все женщины, кто меня видел. И так бесконечные десять лет, пока имя

Вероники Маркеловой не стало ведущим брендом. Зажигающая звезды — так мне льстила отечественная журналистика. В Европе меня, впрочем, не знали — я не зарилась на мировой масштаб.

Как меня теперь зовут? Кто я такая?

Мне снова предстоит пройти этот путь — с нуля до самого верха? Я выстою? Я смогу? У меня, возможно, есть выбор. Совершенно точно здесь нет войны, крестьяне настроены не агрессивно, обращаются со мной если не с уважением, то с почтением, больше того — они мне служат. Эти земли как-то обрабатываются, дом... дом в залоге или же нет, у кого бы это узнать, но есть ли разница? Для меня есть ли разница здесь и сейчас?

Если бы мне предложили купить такую развалину за бесценок, я триста раз подумала бы. Иногда, и я не знала тому причины, подобным строениям давали статус «памятника архитектуры», и мне всегда хотелось поймать хоть кого-то разбирающегося и спросить, что выдающегося в обычной усадьбе? Ее построили без единого гвоздя двенадцать девственников из самана, замешанного на крови единорога? Этих «памятников» торчало по всему Подмоскovie сотни, и никого, кроме фотографов-экстремалов, они не привлекали. Они рассыпались в прах, напоминая, что нет ничего вечного — ни камня, ни ценности...

Прямо на моих глазах из ступеньки крыльца вывалился кусок, хотя никто и ногой туда не ступил. Староста вывел меня из телеги, предварительно раскутав, а потом, не успела я зайти на порог, на меня налетела пчелой полная женщина лет сорока. Сорока? Пятидесяти? Тридцати? У мужчин еще можно было как-то определить возраст, женщины же здесь — к нам вышли еще две — являлись какими-то теньями. Платки, бесформенная одежда и настолько измученные, обреченные лица, что от них хотелось сбежать. Или закрыть глаза, чтобы не видеть во взглядах этих несчастных нечто, что я затруднялась определить. Тоска? Смирение? Злоба? Или все сразу?

И я закрыла глаза, потому что мне некуда было деваться от взглядов вроде бы забито-запуганных, подчиненных, но в то же время звериных — да, так, возможно, смотрит на охотника раненый, беспомощный, но еще очень опасный дикий зверь. Что я им сделала и что они сделают мне в ответ?

Женщина оказалась сильной. Если староста касался меня с опаской, то она волокла как мешок и что-то жужжала. Сравнение с пчелой было таким метким, что я засмеялась.

— Барышне доктор нужен, — услышала я обеспокоенный голос старосты. — Видать, зашибло ее или воды нахлебалась.

— Какой воды, Лука, — рявкнула женщина неприятным каркающим голосом. Прокуранным, подумала я, но табаком от нее не пахло. — Чего она мокрая-то? Или сам чего нахлебался? А еще староста!

— Так мост размыло, — ответил староста, не обратив на противоречие в словах женщины никакого внимания. — Барышня в Брешку упали, а Федота не нашли пока.

Если бы у меня было совсем мало сил, я бы не устояла на ногах, потому что женщина разжала руки, картинно вскрикнула, а потом заголосила мне прямо в ухо:

— Премудрейший! Да как же это? Ой, беда, беда, а кошель-то, кошель! У кого кошель был? Ой, беда, ой, прогневали! А то же надо было ее в лес, говорила бабка Моревна — проклятая она, в лес ее! Так не слушали же Моревну, ведьмой кликали, дом пожгли, золотой водой угли окропили! Гнилой девке место в гнилье, вот и гибнем!

— Да ты черная! — завопил староста и даже отшатнулся от нас, в совершенно непри-творном ужасе замахал руками. Я ничего не понимала и потому пока не вмешивалась. — Ведьмины речи супротив воли Премудрейшего ставить? Отца-наместника хулить?

— Да в лес ее надо было свезти, как двадцать годков стукнуло, а барин покойный все ждал, вот на нас напасти и случились! — еще громче заверещала женщина. Что показательно — она не шарахнулась от меня, не ударила, вообще никак не выказала свое ко мне отношение,

и я решила, что, возможно, это не касается меня, но, чтобы прекратить это адское шапито, развернулась и коротко, но очень сильно дала ей пощечину.

— Спаси нас, — почему-то пробормотал староста, а женщина заткнулась, только во взгляде стало еще больше страха и ненависти, а на щеке проступало красное пятно. Я подняла голову.

Пыльный зал. Когда-то роскошный, бесспорно, но это «когда-то» миновало лет сорок назад. Или меньше, если здесь было то, что могло так расшатать крепкое с виду здание изнутри. По стенам шли трещины, заткнутые соломой, все кругом покрывала пыль, мебель старая, в странных пятнах, нечищенный пол усыпан каменной крошкой. Но чем больше я смотрела, тем яснее понимала — нет, все не так и дом жилой. Просто, видимо, как ни трудись, наметает и пыль, и крошку, и мебель не оттереть, и подсвечники заплыли черным воском, и запах безысходности — она пахнет, оказывается! — висел удушливо и неистребимо.

— Авдотья, — назвала я единственное женское имя, которое успела здесь услышать. Но ответила мне не злобная женщина.

— Я, барышня, — робко, прячась за спиной молчаливо стоявшего старосты, отозвалась молодая женщина. По голосу молодая. — Извольте чего?

— Да. Баню, — приказала я. — И ты, Лука... — я обернулась к старосте, тот поклонился с каменным лицом. — Не уходи, попарюсь, после поговорим с тобой.

Я против воли переняла местную речь. Правильно я сделала или нет, покажет время, пока же мне стоило развернуться и уйти к себе, подождать, пока я смогу открыть портал, который свяжет два мира, мой и этот, — баню, — и там, в привычном, знакомом пару, возможно, если мне повезет, еще и запахе березы и можжевельника, я немного приведу свои мысли в порядок.

— Вон пошли, — бросила я. Я хозяйка, могу пойти куда мне заблагорассудится. За мной никто не должен следить, потому что я пока что бреду на ощупь, любое неверное движение, неправильный жест, неосторожно оброненное слово, и пусть не в лес, но в речку за милую душу отправят с камнем на шее. За этой женщиной — поминавшей ведьму — нужен глаз да глаз, и чем она так испугала старосту, и что за ведьма, о которой она говорила, почему я проклята и, черт возьми, кем? Здесь это такие же байки, какие были у нас, или нечто материальное?

И, конечно, был еще кошель. Деньги, которые я должна была получить за заклад дома. Получила или нет, утонули они или нет, отыщут их или нет — судьба их оставалась неясной.

Как и моя.

Глава 3

Меня оставили одну. Мокрую, грязную, но, к счастью, не дрожащую от холода. Тепло, градусов двадцать пять, если не больше, солнце в самом зените, ветра нет. Здесь приятный климат... по крайней мере, сейчас. А зима, вспомнила я, Лука говорил что-то про зиму и был обеспокоен не на шутку. И так?..

Я не торопясь пошла по комнатам. Барский дом — в этом сомнений у меня уже не было — некогда даже роскошный. Следы бывшего богатства встречались на каждом шагу: шпалеры, отвалившиеся, покрытые местами плесенью; истертые ковровые дорожки; картины — портреты вельможных предков; мебель, с которой смахивали паутину, но паук упрямо плел свои сети, зная, что пришло его время, пришла его власть... В одной паутине запуталась обреченная муха, и я задержалась взглянуть, что с ней будет дальше. Сожрут, что еще, так бывает всегда, проявишь неосторожность, увязнешь — тебе конец.

А я? Что ждет меня?

Анфилада комнат. Светлая, припыленная. Здесь убирались, но бывает и так — сколько ни пытайся вывести нищету, сколько ни выметай пыль, ни мой окна, она неистребима. Я видела такие квартиры, когда присматривала жилье. Почему-то душа моя к современным высоткам никогда не лежала, я хотела старую девятиэтажку, напоминающую о детстве, когда липы гибкими ветками тычутся в бурю в окно и птицы заходятся пением по весне. Я искала что-то уютное и обжитое, искала долго, но продавали в основном квартиры ушедших бабушек и стариков, и я качала головой: не выйдет, здесь все сносить, кроме несущих стен, иначе тлен проникнет и ко мне, он выиграет любую битву. Специфический запах старости, особая пыль — не та, которая городская, та, которая берется откуда-то изнутри...

Я толкнула прикрытую дверь и оказалась в чьей-то спальне. Все, что я увидела здесь, я видела уже и в музеях — квартирах, принадлежавших известным людям. Узкая кровать, покрытая пожелтевшими кружевами, стопка комковатых подушек и снова желтые кружева, трюмо, письменный стол — бюро, диванчик... Окно было закрыто, занавески отдернуты, и на полу, рассекая пространство, от стены до стены разлегся широкий солнечный луч.

Пахло сладко, чем-то похоже на ладан.

— Барышня? — услышала я за спиной и обернулась. Авдотья. — Барышня, баньку сейчас натопят, позвольте, я раздеться вам помогу?

— Не боишься? — спросила я. — Говорят, что я проклята.

Но я печально улыбалась, словно шутила. С чего-то, с какой-то информации, мне нужно было начать. Авдотья махнула рукой на мое замечание, а я рассматривала ее. Красивая, что называется, «кровь с молоком», золотая коса обернута вокруг головы, платок повязан немного небрежно. Очень по-хозяйски она повернула меня к себе спиной и начала расшнуровывать платье.

— Вот Лука скажет отцу Петру, — сурово напроорочила Авдотья, — он Татьяне покаяние назначит. А не скажет Лука, так я скажу. Будет поклоны бить и три месяца две десятины в храм носить, в следующий раз умнее будет. И ведьм поминать под ликом Преподобного не будет. Вы на нее не гневайтесь, барышня, она всегда такая была. То травки кому подмешает, то соли насыпет, а когда муж ее с рекрутов не пришел, так она у бабки этой, Моревны, снадобье колдовское просила. — Я ойкнула: где-то платье мне закрепили булавкой, и сейчас Авдотья меня неосторожно кольнула. — Я вам так скажу: истребили ведьму, и то дело.

Этой спокойной, рассудительной речью Авдотья не ответила на мой вопрос.

— А мне-то что делать, милая?

— А что делать, барышня? — ласково переспросила она и начала стягивать платье с моих плеч.

Я отметила, что я счастливица. Все-таки легкое деревенское женское платье — не то, что я могла бы носить, свежи мне чуть меньше: рубаха, еще одна, корсет, три юбки, куртка, неудобные чулки — такие исторические костюмы, «точная реконструкция, поэтому так дорого, ручная работа!», я видела на съемках клипов. И обувь у меня мягкая. Какой это век? Начало девятнадцатого, если примерить этот мир на нашу историю?

— Что делать, барышня... — прямо на ухо прошептала мне красавица Авдотья. — Век одной вековать — хорошего мало, но уж лучше, чем как Степанида...

Что-то в ее голосе мне не понравилось. Я не видела ее лицо, но боль — настоящую, терзающую, уловила.

— А что Степанида?

— Да полно же, барышня, — Авдотья ловко стащила с меня платье целиком и легко меня подтолкнула — мол, ступи шаг вперед. — Лежит, я к ней вчера заглянула. Доктора бы, да где его взять, доктор денег потребует...

— Что с ней? — я обернулась. И что-то я сделала или сказала не так, потому что Авдотья, уже поднявшая платье, шарахнулась от меня так же, как совсем недавно — староста Лука от бушевавшей Татьяны. — Она больна?

— Боюсь я за нее, барышня, — негромко ответила Авдотья и вдруг, уронив платье на пол, разрыдалась, закрыв лицо руками. В следующий миг она неуловимо дернулась к двери, но я оказалась проворнее и схватила ее за рукав.

— Ну-ка? — потребовала я, пытаюсь развернуть ее лицом к себе. Авдотья мотала головой, вырывалась, но не сильно. Я заметила у нее синяк на руке чуть выше локтя. — А это еще откуда и что?

Наша борьба продолжалась какое-то время, я пыталась если не успокоить ее, так узнать, из-за чего она так безнадежно рыдает и откуда у нее на руке ссадина, как в дверь постучали.

— Да-да, — рассеянно откликнулась я, а Авдотья, охнув, резко утерла слезы и кинулась к шкафу, вытащила оттуда длинный мягкий халат. — Нет, стой. Расскажи сначала, почему ты так плачешь.

К чему я привыкла: только спроси, услышишь жизнь от рождения до нынешнего момента. Отыскалась жилетка для фальшивых слез. Авдотья же сначала решительно принялась меня облачать в халат, а потом усадила и начала распутывать волосы.

— Прибьет он ее, барышня, — наконец сказала она. — Прибьет, вот как света мне не взвидеть.

— Кто?

— Известно кто, барышня, Егор, муж. То я и говорю, что лучше как вы вековать, чем вот так-то... Как она в прошлом году понесла, тогда еще братец ваш, барин, приехали, а Егор-то ее избил...

Я повернулась, и даже то, что у меня был какой-то брат, и то, что Авдотья неосторожно дернула меня за волосы, проигнорировала совершенно.

— Тебя он тоже бил? Говори!

Неизвестно, говорила ли я прежняя когда-нибудь с ней на эту тему, но сейчас Авдотья вдруг решила быть откровенной.

— Это когда я ее третьего дня в барском доме спрятала. Ой, вы только за то на меня не сердчайте, барышня...

В дверь опять постучали. Я отмахнулась.

— И что?

— Егор за ней пришел, а Кузьма — он хоть глухой, а когда идешь, как чувствует, — его оглоблей взашей прогнал. Ну, Кузьма-то силен, барышня, против него какой мужик пойти решится? А я, а что я, Егор меня подловил, да я вырвалась. А Степанида полежала да домой

пошла, глупая: как он там без меня, кто же его накормит да приголубит... Да я бы его той оглоблей так приголубила!

Я остановила ее руку, потому что замахнулась Авдотья гребнем прямо на меня. Она пискнула, а я забрала у нее гребень и приказала:

— Возьми Кузьму и иди за Степанидой. Скажешь — барышня велела ей в дом явиться. И совсем, чтобы к мужу она не возвращалась. Приведете ее, устройте тут, я вечером к ней зайду.

— А десятина как же, барышня?

— Какая десятина? — вырвалось у меня, но я быстро поправилась: — Не твоего ума сюда лезть. Делай, что я велю.

Авдотья подлетела к двери, за ней, что ожидаемо, переминался с ноги на ногу староста.

— А Кузьма где, дядя Лука? — крикнула ему Авдотья и убежала, не дожидаясь ответа.

— Банька готова, барышня, — с поклоном сказал староста, а я указала ему жестом пройти в комнату и встать. Только потом я подумала, что, может, ему вообще не место было в господской спальне, но какая, ко всем чертям, разница? — Али еще вам чего? Дак только скажите, а Федота так пока и не нашли...

— Почему у тебя, староста, женщин бьют? — прошипела я. Заботливый Лука должен был смотреть не только за барской коляской и чужой лошадей. — Степанида лежит который день, так еще и Авдотью побили?..

И вот тут Лука сделал то, что я никак от него не ожидала.

— Помилуйте, матушка-барышня! — заголосил он, валясь мне в ноги и хватаясь за голову. Я испугалась, что на его ор сбежится не то что весь дом, но и вся деревня разом. — Я-то знаю, что каждая душа у вас наперечет, недоглядел, недосмотрел! Так мы люди подневольные, да и мало нас, то вспаши, то засей, а что Егор бесчинствует, так то воля ваша, плетей ему всыпать или уряднику сказать, как он за рекрутами явится, только вот батюшка ваш последнего отдал в солдаты — и все, нельзя больше, нас всего-то четырнадцать, а мужиков и того пять, но коли желаете — так продайте! Продайте его, матушка-барышня, век будем за вас Премудрейшему поклоны бить!

Что?.. Я облизала губы, мало что поняв из его полуплача-полукрика. Продать... так они... мои крепостные? О господи, нет-нет-нет...

Эта новость меня шарахнула словно взрывной волной. У меня и детей не было, избегала ответственности, она была не по мне, мне хватало моей работы. И вот сейчас у меня... четырнадцать... душ?..

— Стой, не вопи, — отмерла я. Удивительно, но Лука послушался и орать тотчас же перестал. — Правильно ли я тебя поняла, что в солдаты Егора не заберут, потому что... потому что вас... у меня слишком мало, всего пятеро, — Лука кивнул, — но я могу про... продать...

— Императору-батюшке, — снова кивнул Лука. Казалось, он очень обрадовался такому решению, но радость стремился скрыть. — Только надо в город уряднику сообщить. Так-то Егора в рекруты всегда заберут, мужик он здоровый. Буйный только. Никакого сладу с ним нет, одного Кузьму и боится. И, барышня, — добавил он деловито, — вы за Егора еще и денег получите. Нам-то они ой как нужны.

Да, подумала я, деньги нужны... На что только, знать бы, но дом делать — в последнюю очередь. Не валится крыша на голову, уже хорошо.

Но у меня нет рабочих рук? Всего четырнадцать душ, из которых я видела пока что Татьяну, Авдотью, оставшуюся безымянной женщину, плюс несчастная Степанида, сам Лука, Кузьма и Егор. Возможно, пропавший Федот тоже мой... крепостной. Ужасное слово. Семь — восемь — человек, и такие огромные угодья. Даже в современном фермерском хозяйстве не хватит рабочей силы на обработку такого количества земли, а здесь? Ни техники, ни технологий. Но я же видела мужиков там, на поле?

— После баньки чаю со мной попьешь, — велела я, приказав себе остановиться и не паниковать, пока все не выясню. — А сейчас отправь к уряднику с письмом кого-нибудь. — Староста, наверное, грамотен? — Только не Кузьму, он мне здесь нужен. — Это просто на всякий случай. — А потом мы с тобой про имение поговорим. Ну, иди.

Лука ушел, а я направилась в баньку. Увидела я ее сразу — невысокое строение, возле него стоит крупная баба, из трубы идет дым. И отчего-то мне сделалось хорошо: настоящая русская баня — да, здесь явно не Российская империя, что-то отличается, пока не пойму что, здесь вообще какой-то родственник нашему, но иной, непонятный мир, — но баня и в моем прежнем времени, подлинная баня, была редкостью.

Конечно, я допускала, что будут отличия, они и были. Например, в баньке не было полок и парились стоя. Не было и веников — зато имелись огромные травяные мочалки, и ими меня баба, звали ее Анна, терла и слегка лупила. Пар клубился под потолком, и топились банька не совсем привычным образом: в двух котлах кипела вода, а волосы мои Анна промывала чем-то похожим на мыльный корень, а не золой, как я ожидала. Меня мучили загадки и тайны, которые ни для кого загадками не были, и спросить у Анны я ничего не могла: что-то мне в ней не нравилось. И только когда она, не выдержав, сняла платок и я в пару разглядела черты ее лица, я догадалась, что она очень похожа на ненавидящую меня Татьяну — возможно, сестра или иная родственница.

Неизвестно, что обо мне подумали люди... слуги... крепостные. Эта мысль вообще не укладывалась у меня в голове. Вот барышня откуда-то вернулась, перезаложила дом или не перезаложила дом, чуть не погибла и в бане парится, и делами занялась. Может, прежняя я и была такой деятельной?

Я даже не знаю, как меня зовут!

Я вернулась в дом, позвала Авдотью, но никто не откликнулся. Я пожала плечами — это нормально, возможно? Имение немаленькое, людей практически нет... Разошлись по делам? Но у меня не было никаких возражений против того, чтобы одеться самостоятельно и заплести волосы в косу. Сложностей не возникнет, одежда простая.

Я и в самом деле быстро управилась, выбрав светлое скромное платье с крупными деревянными пуговицами спереди. Посмотрелась в зеркало — да, я теперь молодая. Совсем девчонка с высоты уже прожитых мной лет, взгляд ясный, а опыт... опыт мой. Мечта вот так переродиться в юном теле, имея огромный багаж знаний и навыков за плечами, только чем он поможет мне здесь, мой багаж предпринимателя, антрепренера, продюсера, музыканта? Я даже не знаю, какой стороной корова ест...

Потом в окно я увидела Луку — он быстро шел к дому, помахивая какой-то запиской, вид у него был озабоченный. Я хотела сперва быстро просмотреть, что есть у меня в комнате из документов, но выражение лица Луки меня насторожило, как будто он не нес мне никаких хороших новостей, поэтому, открыв ящик письменного стола — бюро — и увидев там какие-то бумаги и письма, я схватила их в охапку и выбежала из комнаты.

— Ой, беда-то какая! — услышала я далекий женский вскрик и обреченно закрыла лицо рукой.

Глава 4

При виде меня склонились в неглубоком поклоне все трое — Лука, Авдотья и незнакомая мне женщина, чью красоту не портили даже отвратительный синяк на скуле и не заживший до конца шрам над бровью. Степанида, поняла я и жестом указала ей сесть.

— Не смею, барышня, — прошептала Степанида и низко опустила голову.

— Сядь, я сказала! — повысила голос я. — Что случилось, Лука?

Я полагала, что все дело в записке или, может быть, в Степаниде и ее неуправляемом муже, но я ошиблась.

— Федота нашли, барышня, — торопливо отчитался староста, — воды нахлебался, но свезло, бабы графские подобрали и к графу в усадьбу и отвезли. Так и выловили, едва его течением унесло. В рубашке родился, как раз белье графский приказчик забирать приехал...

— Дело говори, — прервала я словоохотливого старосту. Я все еще связывала охи-ахи с запиской, но сейчас заблаговременно добавила и проблемы с графом, возможно, соседом. — Что кошель, что лошадь?

— Ох, лошадь, барышня, тоже нашли, мы теперь за нее его сиятельству денег должны.

Я еле заметно покачала головой. Ничего, справимся.

— Там... ведьмина метка, барышня. Не к добру Татьяна проклятую-то помянула. Ох, не к добру. Я уже и Кузьме велел найти ее, черную, но, видать, сбежала, знать бы куда.

Кто сбежал? Наверное, я должна бы понять, о чем твердит Лука, но складывалось с трудом. «Да ты черная!» — крикнул он тогда Татьяне, стало быть, сбежала она? Моя крепостная? Однако. По истории нашего мира я представляла, на какие казни в случае поимки подписывалась беглянка, но здесь, возможно, многое было не так. И про кошель староста молчит, значит...

Я хотела было сесть сперва рядом со Степанидой, но вспомнив, как крестьяне реагировали на близкий со мной физический контакт, передумала и села в приличное с виду кресло, положив бумаги на стол. Глаза Авдотьи расширились, а я обнаружила, что мне прямо в бедро впилась пружина, но я стерпела.

— Что за метка? — спросила я.

— Дурная, барышня, — тихо откликнулся Лука. — Неспроста вы с моста-то упали. Ведьма то крутит, ведьма. Ох, помилуй нас Препоблагой и дай сил.

В своей жизни я встречала немало страхов. Людей, боящихся высоты, людей, дрожащих на трапе самолета, людей, сворачивающих с дороги при виде безобидного черного кота. И эти страхи преодолевались. Кто покупал квартиру на шестнадцатом этаже, кто летал каждый месяц, кто полагал, что кот, перебежавший дорогу машине, несчастья не принесет. Но сейчас в глазах Луки я видела такой неподдельный ужас, что мне стало ясно: это не байка, не примета, не предрассудок. Реальность, с которой им — и мне теперь — приходится существовать.

— Разве ее не убили? — выдавила я. — А золотая вода?..

— Кто же барского-то человека убьет, барышня? — рассудительно удивился Лука. Да, я сморозила глупость, мне стоит быть осмотрительней и осторожней. — А золотую воду отец-наместник на месте дома разлил, так ведьмина сила ушла, как Премудрейшим заповедано, да, видно, не до конца. Вы же знаете, корни ведьмины в доме пущены...

— Или где ее мать родила нам на погибель, — перебила его Авдотья, и Лука кивнул. — Кабы знать, барышня, где ведьма первый крик издала, да полить то место золотой водой, так и силы проклятой больше не будет. Так они, окаянные, и уходят в леса от бремени разрешаться. Отец мой ведал, как места те искать...

— Жаль Ивана, — добавил Лука, — вот кто знахарь был, вот кто силу имел от Препоблагого. Так что же, ни батюшку-барина от хвори не спас, да и сам сгорел аки свечка.

Я задумалась. Крестьяне, излив мне свои опасения, замолчали, только Степанида вздыхала так тяжело, что у меня сердце екало. Авдотья подошла к ней, опустилась на колени, и Степанида погладила ее по голове.

— Не тужи, сестра, — проговорила Авдотья, — матушка-барышня тебя в обиду не даст.

Степанида подняла голову, и мне показалось, что не слишком она довольна моим решением.

— Кошель? — напомнила я.

— Как в воду канул, барышня, а может, и впрямь канул, — покачал головой Лука. — Ведьму искать надо, бродит она в лесу, и Татьяну черную искать. Их это рук дело, и чует сердце, на этом они не остановятся. Мужики-то графские все речку баламутят, найдут если кошель, хоть надежды на то и мало, так принесут, а нет — так... Иван бы нашел.

— Батюшка научил меня, — сказала вдруг Степанида. — Только надо луны дожждаться.

Авдотья испуганно вскрикнула и прикрыла рот рукой, я же вопросительно взглянула на Луку.

— То, баба дурная, — буркнул он, отстранившись от обнявшихся сестер. — Кто ночью на реку ходит, да еще под луну? Самое клятое время.

— Я не боюсь, — Степанида смотрела теперь на меня. Глаза у нее были огромные, темные, я бы сказала — ведьминские. Существует разница между ведьмой и знахаркой? Наверное, да, раз Лука назвал дар Ивана сродни божественному. — Только, барышня, не велите мне вам прислуживать, — попросила Степанида. — Не держите меня в доме, пустите. Я жена мужняя, а так-то как солдатка буду...

— То, баба дурная! — повторил Лука громче и намного сердитее. — Что думаешь, барышня тебе зла желает? Тебе работать надо, а ты ходишь еле! А ну Егор тебя до смерти прибьет?

У Луки были свои понятия о благе для крепостного крестьянина. Авдотья поднялась, но от сестры не отошла, и когда я поймала ее взгляд, она едва заметно помотала головой: нет, барышня, не слушайте ее. Я и не собиралась.

— Что за записка у тебя в руке, Лука?

— Так то от графа, — вспомнил он и передал мне записку. — Сорок грошей за пахоту.

— Я должна ему сорок грошей? — не поняла я, но ровные, словно каллиграфией выписанные три строчки, прочтала. Все так, как сказал Лука. И что меня не то чтобы удивило, больше позабавило: не похоже ни на кириллицу, ни на латиницу, да и вообще ни на один виденный мной алфавит буквы я влегкую разобрала, словно с детства свободно на этом языке читала.

— Он должен, барышня. Его люди поле-то наше боронят, — терпеливо пояснил Лука, — а вон еще полосу взяли. А что делать? Отдали, сами как-нибудь с нашими-то двумя полосами проживем. Нам много не надо... У графа люди-то все пришлые, своих-то у него один Епифан, а денег много... Только, барышня, еще за лошадь расчет нужен. Лошадь-то наш Федот загубил.

Я вскинула голову:

— Какая... — и вовремя проглотила совершенно неуместное в этом мире «к черту», — ...лошадь, Лука, пусть вышлет немедля мне сорок монет, вот прямо сейчас поезжай за ними, а потом доктора привези. А лошадь, — я усмехнулась, найдя вдруг решение, — как ведьм изловим, там видно будет, кто ее загубил. Сколько она стоит?

— Шестьдесят грошей, барышня. Но, может, меньше. Лошаденка-то лядащая, что бы там графский приказчик ни говорил.

— А Татьяна и ведьма? Какова их цена?

Лука ахнул. Бедняга, посочувствовала ему я, сколько на тебя потрясений свалилось. Выражение его лица менялось молниеносно — изумление, испуг, восхищение. Он даже довольно прицокнул языком.

— Ох, барышня-матушка, ох, умна! — выдохнул он и опять пораженно цокнул. — Да много-то за них не дадут, но бабы рабочие. Грошей сорок... за обеих, а можно и поторговаться. Это что же, вы думаете ведьму да черную изловить да и отдать их обеих, повинных, в обмен на лошадь?

— Думаю, — даже не скрывая довольства, ответила я.

Гордилась ли я собой? Да, разумеется. Какие-то три-четыре часа я здесь, под этим синим сказочным небом, в мире, где ведьма и ее сила — реальность, где я — хозяйка четырнадцати неприкаянных душ и разоренного имения, но! Я уже нашла выход из сложившейся ситуации. И легко, как будто речь шла о чем-то для меня привычном и обыденном, решила продать человека. Двух человек. Как вещи. Чем это мне объяснить? Возможно, мышлением, очень быстро перестраивающимся под новые для него реалии. Возможно, остатками «памяти» барышни, безымянной для меня, проклятой для черной Татьяны и безраздельной хозяйки их судеб для всех остальных.

Будет отлично, мрачно подумала я, если память моего нового тела ограничится знанием языка и грамоты и некими социальными допущениями, как-то: продать ненужную вещь, если она не нужна, мешает или опасна для меня и всех остальных, нормально, даже если эта вещь — человек. В такой ситуации мне может помешать мой просвещенный гуманизм.

— Ваше дело — изловить их. — Я поднялась. — Авдотья, отведи Степаниду в комнату и смотри, чтобы она не сбежала. Лука доктора привезет. Лука?

Тот с готовностью подошел ближе. Может быть, за какие-то провинности, которые я такими отчего-то не сочла, он ждал порки, но обошлось.

— Сядь, расскажи, что с имением. Только подробно и без лирических отступлений.

Лука захлопал глазами.

— Подробно, но коротко, — поправилась я, в очередной раз обругав себя за речь.

— А что, барышня? — Лука был сбит с толку. — Дак все как было, так и есть. Ничего же не изменилось. Земли есть, сеять нечем. Вона, две полосы засеяли, на что грошей хватило, а взойдут али нет — одному Преблагому ведомо. Все же прочее графу отдали, и поле, и выпасы. Одна лошадь, и та старая. Корова вон у меня — так и та молока дает только на вас, барышня, да ребятенков. Анна все...

— Стой, — перебила я, вспомнив, как напомнила мне моя банщица неприятную Татьяну. — Анна родня Татьяне?

— Так... мы ж тут все какая-никакая родня, — удивился Лука, а я поморщилась — и снова напрасно спросила, да и вряд ли иначе, оттого и отдавали девушек в другие деревни замуж в старые времена, но это те, у кого деревень было много. А мне и моему батюшке, наверное, пришлось кого-то и продавать. — Да Анна баба добрая, хоть и смурная. — Он заулыбался, лицо его разгладилось, во взгляде появилась нежность, которую я никак не могла от него ожидать. — И ребят любит. Хорошая баба. Так вот она все Мурку, корову-то, водит на выпас, а сами знаете, где выпас хорош... Увидит приказчик, кричать будет. Но Анна такая, за своих-то горой. Хорошая она, барышня.

Он говорил жарко, даже рука у него дернулась, словно он хотел ударить себя кулаком в грудь в доказательство своих слов. Я решила, что Анна его жена. Где выпас, чей приказчик и почему он будет кричать — для меня пока что осталось тайной за семью печатями.

— Теперь про заклад скажи.

Лука вдруг ожесточился. Вот только что передо мной стоял добродушный заботливый староста крохотной деревеньки и правая рука хозяйки имения, простоватый мужичок, боявшийся получить плетей за недосмотр и шугающийся ведьм, и в один миг в его глазах полыхнули такие ярость и ненависть, что я с трудом удержалась, чтобы не вскрикнуть.

— Кабы не ведьмин знак, барышня, — очень отчетливо и злобно произнес Лука, — я бы, да простит меня Премудрейший, поклоны бы ему в храме отбил. Потому как один залог,

второй, да и третий барин бы на игры да непотребщину спустил. Кабы не ведьмина сила, решил бы я, что Преблагой то волей своей сотворил — и вас от гибели лютой отвел, и Федота, а кошель по реке пустил. Так уж пускай мы впроголодь, но и барин тоже.

— Ты о моем брате? — уточнила я и тотчас в который раз пожалела о неосторожном замечании, потому что Лука опять воздел руки и с воплем бухнулся на колени.

— Простите дурного, матуш...

— Тихо! — рявкнула я. — Встань, лоб расшибешь, дурак. Лука? — Он посмотрел на меня как на чудо. Может, чудом я и была сегодня в его глазах? — Мы обязательно со всем справимся. Все вместе. Я, ты, Федот, Кузьма, Анна... Все. Ты мне веришь?

Конечно, нет, по взгляду это было понятно. То, что я могла говорить своему начинающему, талантливому, работающему, но уже измученному бесконечными репетициями и чередой неудач подопечному, не доходило до сознания крестьян. Крепостных крестьян. Моей собственности. Мыслили ли эти люди себя вообще людьми?

Да, я спросила, верит ли мне Лука. А могу ли я кому-нибудь верить? Ему хотя бы? Анне, Авдотье, Степаниде, Кузьме? Я одна в абсолютно чужом мне мире, и единственное мое преимущество — опыт, закалка, знание поступков людей. Умение делать деньги из воздуха. Твердый характер. Навык зубами грызть стены, если я знаю, что за ними успех.

Я посмотрела на бумаги на столе. Надо заняться ими в первую очередь и куда-нибудь переселиться, потому что бедро мое уже занемело.

— Прикажи ужин подать, — сказала я. Лука так мне ничего на мой последний вопрос не ответил — может, счел, что барышня еще от купания в речке не отошла, а может, поступил проще и списал все на волю Премудрейшего... В этом плане Луке было легче, чем мне. — За урядником послали? Поезжай тогда за деньгами к графу и за доктором послать не забудь.

Лука ушел. Я, охнув, поднялась и пересела на диванчик — пыльный, выцветший, обитый тканью, затрепавшей под моим весом. Бумаги я взяла, придвинулась поближе к низкому столику, предварительно прощупав рукой диванчик — не торчит ли что и отсюда.

Письма. Не то чтобы много, но все деловые. Первый заклад имения — еще при жизни отца. Второй заклад — через три месяца после его смерти: банк перекрыл первый долг и выдал мне деньги, но уже меньше, а проценты назначил конские. Письмо о третьем закладе, и денег всего ничего... Четыре тысячи грошей. Я не могла сказать, много это или же мало, но, наверное, мизер, если крестьянка стоит сорок... двадцать грошей. Женщина, мужчина должен стоить намного дороже. Но четыре тысячи грошей канули куда-то, будь то ведьминых рук дело или действительно мост не выдержал.

Елизавета, меня зовут Елизавета, прочитала я имя на закладном письме, Елизавета Нелидова. Ни титула, ничего, но чем бы мне мог помочь титул? А еще у меня есть брат, по словам Луки, мот и бабник, но про брата я не могла найти ничего. Вот договор с графом Виктором Александровским об аренде земель — да, Лука прав, себе мы почти ничего не оставили, и понятно почему, но — стоп, к договору должны быть приложены расписки о выплатах, почему их нет и почему Лука ничего не сказал?

Я быстро перебирала бумаги, но расписок не видела. В комнату кто-то вошел, вероятно, Лука, подумала я и не обернулась. Староста был терпелив, если у него ничего не горело.

Я была поглощена расписками и, лишь случайно скосив глаза в сторону, увидела на полу совсем рядом серую тень. Это был никакой не Лука, и пахло от него потом и кровью, и стоял он почти за моей спиной.

Глава 5

— Не признали, барышня?

Не то чтобы я часто читала книги. Не мне, не с моей профессией верить в то, что мне хотят показать. Это ведь режиссер кричал «Верю!», не зритель, а меня убедить в искусственной картинке почти так же сложно, как великого мастера.

Я нечасто читала, но мне попадалось — при виде незнакомого мужчины «похолодела», «мурашки побежали», «не смогла дышать». Вранье, человек — существо социальное, стайное, и если некто не приставляет к твоему горлу нож, никакие «волны опасности» «с головой» не «окатывают». Но человек и существо, вспоминающее когда необходимо древние инстинкты: беги, беги — вот это срабатывает. Что мне и хотелось сделать сейчас, но я сдержалась.

Неприятно? Да. Омерзительно? Да, пожалуй. И пока что не знаешь, чего ожидать от того, от кого за версту несет смертью. Но маньяк и мошенник всегда обаятельней, чем прикурнувший на автобусной остановке бомж.

— Андрей я, али забыли? Батюшка ваш меня в Сосновку продали.

— Почему от тебя пахнет кровью, Андрей? — только и спросила я. И сомневалась, что он мне ответит «потому что я убиваю людей».

— Так ведь я у Павла Юрьевича на скотобойне, — спокойно пояснил Андрей. У меня было чувство, что я его уже видела. Высокий, очень красивый парень. Постой-ка...

— Ты брат Авдотьи и Степаниды? — запоздало осенило меня. — Зачем пришел? Ты не мой человек больше. — Вероятно, раз скотобойня не моя?

Держаться ровно, без тени смущения, без малейшего замешательства. Не потому, что этот парень может что-то понять, да и что он поймет — что я вовсе не прекрасно ему знакомая «барышня»? Потому, что я иначе не узнаю ничего сверх того, что мне скажут. Разговаривать с людьми, не опасаться, что я «что-то забыла». Андрей же отступил на шаг и поклонился, чего я никак от него не ожидала.

— Приказчик наш давеча Анну с коровой на выпасе застал, — негромко проговорил он. Я поморщилась. — Да не в корове, барышня, дело. Что мы, не понимаем? Что мы, звери какие? Не объест наши выпасы ваша-то коровенка... Анна ему и сказала, что Егор сестру мою опять избил.

— Просить за нее пришел? Или за него? — вскинула голову я. Все возможно, чью сторону принял этот парень — не предсказать.

— Я, барышня, человек подневольный, — произнес Андрей еще тише. — Воля женить-продавать — барская. Я, когда меня барин-батюшка продали, совсем отроком был. А после узнал, что Степаниду за Егора отдали, так поздно.

— Помешал бы?

Вопрос мой следовал за вопросом. А пожалуй, батюшка мой почивший совершил ту еще глупость, продав кому-то такого парня. И не в том печаль, что все трое красоты необыкновенной, а в том, что есть в них какая-то неясная сила. В Андрее — еще и физическая, он наверняка стал отменным работником, хотя на вид ему лет восемнадцать. А у меня? А у меня все печально с рабочими руками, и кого мне в том обвинять — покойного отца, который для меня не больше, чем имя на документе?

— Как помешаешь-то, Елизавета Григорьевна? — невесело усмехнулся Андрей. — Защитил бы. Пусть и сам бы в солдаты за то пошел насовсем... Продайте Степаниду.

— Что? — я даже хохотнула. Снова нервы. И неожиданность. — С ума сошел? Кому продать — тебе? У тебя есть деньги? Нет, если они у тебя есть... — Почему бы и нет? Я понятия не имею, может ли один крепостной купить другого, но, может, Андрей получил вольную? Что я в таком случае потеряю, а что получу? Двадцать грошей?..

Я встала, прошла по комнате. От моих шагов поднималась пыль и висела в лучах заходящего солнца. Внезапных предложений в своей жизни я получала немеряно, в том числе и — да, можно и так сказать — о продаже коллеге-продюсеру своего исполнителя, почти как футболиста. Продажа контракта — явление на эстраде мало кому из поклонников известное, но кулуарно распространенное. Но тогда я понимала, что от каждой сделки ждать.

«Я за фантастически короткий срок приняла то, что я рабовладелица», — сказала я себе, чтобы немного отрезвиться, и повернулась. Андрей же должен был раскрыть свою мысль, я кивнула ему повелительно — продолжай.

— Барин сохнет по ней, — без малейшего стеснения объявил Андрей, а я подумала, что он себе это придумал. Или мне придумал, сочтя, что дура-барышня на романтику поведется. — Плохо, барышня, не то, что барин сохнет, а что ей потому отцову магию молва назовет.

Перебор. Я больше так не играю.

Я заставила себя сурово нахмуриться.

— Что плохого в даре Ивана?

— Мать ведь Степаниду в поле родила, барышня.

Я подняла руки, останавливая его. Что-то говорила мне Авдотья... да, ведьма, ведьмы появляются на свет по возможности не дома, но крестьянка, рожающая в поле — притча во языцех. Сколько раз я слышала — «вот вы, а вот в старые времена!...». В старые времена рожали как придется и где придется не от придури, а по нужде. И ни одна крестьянка бы не отказалась от врачей и эпидуральной анестезии.

Я подняла голову, всмотрелась в коридор: не появится ли Лука, опять презрев мои указания? Но в этот раз староста действительно уехал, и я не слышала ни шагов, ни голосов. Мертвый дом, мертвое имение. Я одна здесь, кажется, живая душа, и та — не из этого мира.

Я махнула на Андрея рукой. Больше всего похоже на акт отчаяния с его стороны: хоть как, но избавить сестру от мужа-зверя. А мой акт отчаяния — избегание?

— Еще ты будешь сватовство барина улаживать. — Здесь вообще в порядке вещей жениться на крепостных или барин решил поразвлечься? А дети? Какой статус здесь у детей от крепостной? — Пусть сам приезжает, тогда обсудим. И про всякие байки забудь, или отцу Петру скажу.

Мне пригодились причитания Луки. Я повернулась к своему столу, к Андрею спиной, села, усиленно делая вид, что решение мое окончательное. Я все равно не знала ни мотивов Андрея, ни настоящих страхов Авдотьи, ни желания — искреннего, как мне казалось — Степаниды вернуться к мужу. Много тайн. Проблема в том, что лишь для меня одной это — тайны.

Ушел Андрей громче, чем появился. Удаляющиеся шаги его я расслышала, как и полупот-полугрозу:

— Не пожалейте только о сем, барышня.

Какой смысл орать, рвать на себе платье и волосы, рыдать и вопрошать — за что? Почему я в доли секунды лишилась всего, что мне было важно, чем я дорожила, что хотела сберечь, и оказалась черт знает где в разоренном имении, без денег, без каких-либо перспектив, и вместо того, чтобы думать, что делать со всем этим, как выживать, должна заниматься охотой на ведьм? Мироздание или кто там, кто решил зашвырнуть меня в это тело, было навеселе? Для меня ведьмы и магия были забавной строчкой в «Классификаторе видов экономической деятельности»...

— Ужин где? — рявкнула я, подлетев к двери, и от моего крика зашатались стены и содрогнулась сыра-земля.

Почти сразу раздались шаркающие шаги, и в конце коридора возникла Анна.

— Чуток погодите еще, матушка. Скоро будет.

Голос ее был спокойный, и мне стало немного легче. Я жестом остановила ее и подошла. Анна поклонилась, я потянула носом — там кухня. Мне нужно туда сходить. Что-то там есть нам сегодня и завтра?

— Покажи мне, что за запасы у нас, — велела я. — Лука говорил, с трудом перезимовали.

Не дожидаясь, пока Анна что-то начнет объяснять, я прошла в кухню и убедилась, что в некотором отношении понятие «голод» у барских крестьян и моих современников отличалось. Нет, здесь ничего не ломилось от разносолов и по углам не тухли невостребованные осетры, но мышам было раздолье. Вопреки моим представлениям о хранении продуктов в эти времена, запасы лежали прямо на кухне, а может, в этом мире были другие обычаи или четырехлапые любители поживиться похитрее наших, или еще какие-то причины.

— Это что... все запасы? — спросила я растерянно, оглядывая небольшие бочонки, казалось, с крупами, однозначно — бочонок с медом, я не могла ошибиться, это именно медовый потек застыл на крутом потемневшем боку, сложенные в углу стопкой овощи... Кабачки на вид, но темно-красные.

— Помилуйте, барышня, это Кузьма сегодня из амбара принес, — ответила Анна не менее потерянно. Да, еще один мой глупый вопрос, и, увы, не последний.

— Откуда это все? У нас нет денег, Анна! Откуда столько еды?

— Так вы приказали, барышня, — почти прошептала Анна, побледнев. — Как его сиятельство денег дал, вы же сами Луку в село послали... Что зимой померзло, что мышь поела, так мы доели, а вы...

Я предпочла бы это просто не слышать.

— А что в кухне было, так вы сами приказали свиньям выкинуть...

Премудрейший, почему ты настолько несправедлив и не даешь часть своей мудрости своим детям?..

— Вот что, Анна... — Я с трудом собралась с мыслями. — Здесь довольно еды нам — и мне, и вам всем. Никто не будет больше есть ничего испорченного, и вот это вот что? Мой ужин? — я указала на два источавших умопомрачительные ароматы горшка. Доходили они не в печи, а на своеобразной плите: большой кирпичный короб, обмазанный известью, накрытый сверху толстой металлической пластиной. Где-то там горели дрова — жар я ощущала и от пластины, и откуда-то сбоку. — Это много для меня одной, хватит всем. — Я подумала: нет, на пятнадцать человек мало. — Хотя бы мужчинам, детям и Степаниде. И женщины пусть едят хорошо.

Идиотка. Эта барышня идиотка. Недалеко ушла от своего разгульного братца.

Я быстро вышла, в который раз услышав вслед: «И впрямь умом тронулась». Черт с ним, со мнением обо мне крестьян. Сколько еще успела растратить эта безголовая деваха? На что? На тряпки? На экипаж? На балы?

Я выбежала во двор. Покрутила головой в поисках амбара — вон он, притаился среди деревьев, явно ведь плодоносных когда-то. Огромный сад, запущенный, поредевший, но некогда дивный, сколько здесь было — уже неважно чего. Весна, и надо садом как можно скорее заняться.

По высохшим пыльным дорожкам, по камням, попадавшим мне под ноги, я дошла до амбара и дернула дверь. На меня пахло сыростью, затхлостью, гниением... Нет, очень быстрый осмотр показал, что это старые запахи, но пройдет немного времени, и все, что здесь лежит, будет так же безнадежно испорчено. Дура, дура! И крестьяне не смели ей возразить, и какой-то ушлый купчина продал дурехе то, что еще не подготовлено было к длительному хранению или вовсе ему не подлежало. А может, я зря клеветала на купца, откуда ему было знать, что это все не на пир горой, а на год, потому что не предвидится больше денег практически никаких...

Я была готова завывать, но и это ничего бы не изменило.

Солнце заходило, окрашивало в алый цвет облака, и на востоке на небо набегали темные тучи. Будет дождь, подумала я, а Степанида хотела искать кошель при луне. Был кошель или не был? Вечер падал на мою неприкаянную вотчину, запахло стоячей водой, робко прокашлялась невидимая первая лягушка. Подбрав юбку, я кинулась обратно на кухню, где Анна, все еще не отошедшая от моих слов, собирала мне ужин.

— Этого много! — с порога сказала я. Напугала ее? Неважно. Ни один человек не в состоянии столько съесть. — Хватит... этого, — я подошла и отставила в сторону небольшой котелок с — по виду — рагу. — Остальное раздели на всех, но сперва собери всех, и пусть перенесут все из амбара в сухое место. И не кучей все припасы сваливайте, должен быть воздух. Ну? — прикрикнула я, потому что Анна столбом замерла. — Как себе запасы хранишь, так, что ли?..

Анна мелко-мелко затрясла головой. Мне показалось, она ожидала удара.

— Вот как себе и мне сделай!

— Так... в какое место-то, матушка? — проскрипела она. — Поди, кроме старых барских комнат...

— Значит, в старые комнаты! В сухие! Кузьму кликни, — какая-то память вовремя подсказала мне, что он должен знать, как верно хранить продукты. — Я выдохнула, меня трясло, и я очень старалась не подавать виду. Я, я, я прежняя виновата в том, что здесь происходит, не меньше. Может быть, после смерти отца я еще могла что-то исправить, дать братцу от ворот поворот или, возможно, продать крестьян да хоть незнакомому мне Павлу Юрьевичу, который жизни не видел без Степаниды...

— Скажи-ка мне, Павел Юрьевич что, часто сюда заглядывает? На Степаниду засматривается? — спросила я. — Откуда слух, что он ее выкупить хочет себе на утеху?

Анна, теперь пытавшаяся что-то сотворить из уже собранного для меня ужина согласно моим приказаниям «поменьше», вздрогнула и выронила горшок. Он громко ударился о деревянный стол, расплескав горячую жижу, так, что Анна едва успела прикрыть руки грязной прихваткой.

— Помилуйте, барышня. Какой Павел Юрьевич, — проговорила она, застыв истуканом над столом, — когда Степанида от нашего барина прошлый год понесла?..

Глава 6

Хватит, хватит с меня загадок.

Бедная Анна забилась в угол, пока я, наплевав на все существующие приличия, традиции и обычаи, быстро ела рагу, наклонившись над столом. Было горячо, я давилась и морщилась, но — вкусно, вкусно, черт побери, и хлеб был воистину хлебом, а не резиной, напичканной для удорожания злаками. Я полагала, что мне кусок не полезет в горло — как бы не так, свежий воздух, молодое тело, если бы еще я проявила хоть какие манеры, потому что так, как я, не ели благовоспитанные барышни.

Но мне было плевать.

За окном резко стемнело, я покосилась — но нет, это не вечер, просто будет гроза. Значит, Лука вернется в ближайшие минут двадцать или не вернется сегодня совсем. Как вариант, на который я бы не очень рассчитывала, он окажется в усадьбе поздно, весь вымокший и продрогший, и вряд ли будет способен внятно ответить мне на вопросы.

— Отец Петр ох ругался, да простит меня Преподобный за хулу, — бормотала меж тем Анна, глядя на меня исподлобья. — Мол, наше дело землю пахать, а не в барские спальни носы совать.

Я сдвинула брови, утерла некрасиво свисавшую из рта капусту или что-то на нее похожее. По крайней мере, на вкус.

— Так, может, прав отец Петр? — я придавала голосу заведомую резкость. Нет, мне было без разницы, с кем замужняя женщина изменяла мужу и от кого она понесла. Сплетни — куда большее зло, и если бы не досужие языки, не зависть, не домыслы, не любопытство, не желание людей покопаться в чьем-то — не всегда и грязном! — белье, не творилось бы многое из того, что творится и не должно, ни в моем прежнем мире, ни в этом.

У Степаниды могли быть сотни причин искать утешение на стороне. Я не сомневалась, что брак ее с Егором был выгоден исключительно барину — по словам Андрея, Степаниду за Егора отдали и не спросили ее мнения на этот счет. Неудивительно, если вспомнить, что мой отец при устройстве браков между крестьянами мог ориентироваться только на отсутствие между будущими супругами родства. Агрессия мужа, какие-то недостатки, мешавшие ему в отношениях с ней, невозможность развода — если развод здесь существовал, то лишь для таких как я, не для собственности помещика. Степанида могла знать о каких-то наследственных пороках Егора, могла совершенно сознательно планировать родить дитя от любого другого мужчины — вплоть до того, что, вероятно, ее ребенок родился бы свободным. Она могла влюбиться в моего брата! Каким он был?

Я швырнула ложку на стол. Все, что Степанида делала по собственной воле, я допускала и была до конца намерена отстаивать ее право на это. Пусть мой брат отнесся к связи с ней даже не как к интрижке — как к визиту в разгульный дом.

Но не в случае, если ее к чему-то принудили. Не в случае избиения — какой бы повод Степанида ни дала. Гулящая ли она, изменница, ведьма — последнее вряд ли, — я была настолько разъярена, что появившись передо мной сейчас злополучный Егор, и я бы дала фору печально известной всем Салтычихе...

— Откуда сплетни, что Степанида от барина понесла? — рывкнула я. Анна обстоятельно отерла руки тряпкой, опустила их, вздохнула, приготовилась отвечать. Я поняла, что к пощечинам она приготовилась тоже.

— Ясно же, барышня, — сказала она таким тоном, словно и в самом деле в ее голову ни разу не приходили сомнения. — Как барин приехали, так она пошла в тяжесть.

Я проглотила тысячи просившихся на язык оскорблений.

— Дура-баба! У нее муж есть!

— Вы, матушка, девица невинная, — хлопая глазами, объявила Анна. У нее появился шанс взглянуть на меня как на дитя неразумное — что она тут же и сделала. — Вам такие страсти-то, ясно, неведомы. Муж-то муж, а что же она столько лет пустая ходила?

Бесполезно было и спрашивать, видел ли кто-нибудь вместе Степаниду и моего брата.

— А зачем ты приказчику соседскому сказала, что Егор Степаниду бьет?

— Так жалко же, барышня.

Я покачала головой. Не думать, что у этих людей своя логика, иначе я просто сойду с ума. Принимать все как данность.

— Хоть оно, барышня, и за дело...

«Хорошая она баба», — уверял меня Лука. Сколько бед в мире от хороших людей — не счесть. Анна и не подумала, как могли повернуться ее слова, если бы Андрей встретил обидчика сестры, если бы — да, может, все еще впереди — эти жалобы дошли до Егора, и да, Андрей ни слова мне не сказал про возможную связь сестры с барином, впрочем, ему об этом неоткуда было знать...

— Еще раз узнаю, что сплетни разносишь, велю высечь и отцу Петру скажу! — пригрозила я.

В местных религиозных книгах обязательно должно быть что-то про грех. И если в них как следует покопаться, то притчу или стих про злые языки я найду обязательно. Пока же я вернулась в комнату, где оставила бумаги, убедилась, что ничего не пропало, отнесла их к себе в спальню и, так как стемнело уже совсем, зажгла свечу.

Кресало я брала в руки с опаской, но оказалось, работает оно не сложнее плохой зажигалки. Теплый огонек задрожал, бросая вызов блеснувшей за окном молнии, а раскат, раздавшийся следом, был как грохот могильной плиты, упавшей на мои чаяния и надежды.

Из-за грозы и своих расспросов я упустила возможность переноса припасов в дом, и сейчас, глядя на то, как первые капли падают на стекло, я подумала — если в амбаре дырявая крыша?... Да, зимой она могла быть еще хоть сколько-то цела, а что нас ждет завтра?

Я убрала бумаги в бюро и пошла осматривать дом.

Шум ливня снаружи, шелест листвы, потревоженной сильным ветром, гром скрадывали мои шаги. А половицы подо мной скрипели, наверное. Пусто, пусто, пусто... и стекол нет, комнат пять я насчитала в полном упадке и порадовалась: достаточно сухо, здесь можно временно разместить продуктовый склад. Мышей в доме я не заметила. Это было крыло, в котором никто не жил; потом я наткнулась на бывший кабинет и в предвкушении туда влетела, но — единственный лист бумаги, и на том пером начеркана кривоватая голова лошади. Пустой книжный шкаф, поеденное кресло — все же мыши? — половина окна заколочена, а тут стоял когда-то кабинетный рояль... Я не поленилась заглянуть и за шкаф, но и там меня ждало разочарование. Ни единой записки, бумажки, заметки, даже книги — и то ни одной.

Где-то же должен был жить мой брат, подумала я. Он приезжал сюда, где его комната?

Если бы не платье, я на секунду допустила бы мысль, что все мне привиделось, ничего нет — ни помещицы Елизаветы Нелидовой, ни ее крепостных крестьян, у которых страсти кипят похлеще, чем в самом закрученном сериале, ни ведьм, ни загадочного кошеля, ни долгов. Просто я, Вероника Маркелова, бреду по очередной классной «заброшке», прикидывая, как в антураж впишется мой исполнитель с новым клипом, будущим хитом. И свеча у меня в руке потому, что так легче проникнуться духом эпохи...

Свет свечи, а то и отблеск молнии, выхватывали мрачные лица с картин. Вот чего было в избытке — портретов. Род Нелидовых древний, знатный, некогда очень богатый, и вот все, что осталось от былого величия.

Возле одного портрета я задержалась.

Молодая женщина в платье совсем иного покроя, чем мое, портрету было лет сто, не меньше. Но не женщина или платье привлекли мое внимание, а медальон, который лежал

у женщины на коленях. Художники тех веков приукрашивали фигуры и лица, и теперь мы наивно убеждены, что в прошлом все были сплошь красавицы и красавцы, — но одно дело лица, другое — вещь.

Заинтриговало сияние. Золото так не блестит, драгоценные камни тоже, и я бы еще поняла, если бы на картине был какой-то источник света, заставлявший металл и камни переливаться. Но нет, сияние было словно само по себе... Будто магия.

Мне на пальцы капнул горячий воск, и я, вздохнув, пошла дальше. Последняя из комнат оказалась бывшей барской спальней: две узкие кровати и покрытое слоем пыли бюро. Я без особой надежды выдвинула рассохшийся ящик — разочарование было даже не велико. Ничего я не рассчитывала там увидеть.

Крестьяне ложились спать с наступлением темноты. Храп Кузьмы я слышала сквозь шум ливня. Конюх — он же конюх? — спал прямо на лавке, не раздеваясь, и с его брошенной на пол жилетки натекала вода: он попал под дождь. Где-то в этом крыле были комнаты слуг, туда я и шла поговорить с Авдотьей и Степанидой.

С чего-то надо начать. Завтра вернется Лука, объеду с ним всю свою территорию. Ту, которую я сдала, и ту, которая у меня еще оставалась. Посмотрим, что есть из еды, часть продадим, иначе она все равно испортится. Прикажу провести полную ревизию имущества от простыней до сохи. Проверю, где и как содержится скот. Мне бы только немного знаний! Что там любят повторять несмышленные школьники — «зачем мне эта биология, я стану композитором»? Самоуверенность... Не бывает ненужных знаний.

Дверь комнаты, в которой спали Авдотья и Степанида, была не заперта. Она не закрывалась — застопорилась на полпути, и я не рискнула ее дергать, лишь просунула в щель голову. Лука должен был привезти доктора, но поехал ли доктор в такую пору или отвесил моему старосте тумака и прогнал взашей? Да и ездят ли доктора к крепостным, а Лука просто не стал мне возражать?

Женщины спокойно спали вдвоем на одной кровати, одетые, под шум дождя и разошедшейся не на шутку грозы. Я подумала, как же странно, у людей столь разнятся понятия о главном — добре и зле; и еще: как вяжется то, что мне рассказали о Степаниде, и то, что она просила не забирать ее у мужа?

Чувство вины? Бьет, значит, любит? Ничего нового вроде бы, и все же: тут тоже что-то не так.

Еще долго я сидела в своей комнате, уже раздетая, в стареньком халатике не по размеру. Может быть, с чужого плеча. Может, когда-то его носила моя покойная мать. Или богатая родственница скинула — держи, убоже. Я просматривала договоры, выписывала старой испорченной серебряной ручкой-пером корявые цифры, пыталась что-то понять до тех пор, пока свеча не принялась трещать, оплавившись, а мои глаза не начали слипаться.

Кровать была узкая, мягкая, в матрасе шуршала солома. Вот как спят барышни из старых времен — укрывшись истрепанным одеялом, на комковатых подушках, зато их много...

Я проснулась от странного ощущения — будто что-то толкнуло меня, причинив сильную боль, и тут же пропало. И, к собственному удивлению, я испытала не изумление — где я, что я, — а ужас до слез на глазах. Гроза погромыхивала вдалеке, ливень все еще шел, ветер постукивал веткой в мое окно.

А потом боль пришла снова, и я, потеряв дыхание, даже не смогла закричать. Живот словно резало наживую — полоснуло и бросило, через какое-то время — опять, и у меня наступил уже не страх — паралич.

Эта боль была мне знакома. Я испытывала ее — там, где-то, когда-то.

Там, где меня от этой боли могли спасти. Там были хирургия, асептика, скорая помощь. Здесь я была обречена.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.